

Все расступились, раздвигая занавеси, и прислонились к перилам террасы. Ань Сюань снова надел золотую маску, скрывшись под капюшоном.

Морской конференсье Цзюцзю хлопнула в ладоши и сделала шаг назад. Подиум под ее ногами раскрылся, и клетка, накрытая черной тканью, медленно поднялась из люка, остановившись прямо перед ней.

Софиты со всех сторон сфокусировались на клетке, а точечные светильники замигали, сканируя и деконструируя ее. Технологии виртуальной реальности воссоздали трехголограмму в воздухе, чтобы каждый мог отчетливо разглядеть то, что находилось внутри.

— Живое существо?

Увидев клетку, присутствующие оживились и устремили на нее взгляды. Цзюцзю снова хлопнула в ладоши, и из-за ее спины выдвинулся механический манипулятор, сорвав с клетки черную ткань. В тот же миг то, что было внутри, оказалось выставлено под яркий свет.

Это действительно оказалось живое существо — нагое, свернувшееся калачиком на дне клетки. Похоже, это были двое детей, мальчик и девочка, на вид лет шестнадцати-семьдцати.

Световые проекторы сканера четко воспроизвели содержимое клетки в виде парящего в воздухе голографического образа.

Да, это были дети. Но вовсе не люди: на их макушках торчали по две кошачьих ушки, сзади покачивались хвостики, а в проекции даже можно было разглядеть характерные для кошек темно-зеленые зрачки. Оба ребенка дрожали всем телом, словно не в силах привыкнуть к внезапному свету, и жались друг к другу.

На аукционной сцене Цзюцзю принялась представлять этот лот, а лица людей в ложе неуловимо изменились, став мрачными и суровыми.

Му Сюэ нахмурилась:

— Племя мань?

Цю Фэй покачал головой:

— Нет, скорее всего, это потомки от смешанных союзов племени мань и людей. Хотя в последние годы племя мань и притихло, они продолжают постепенно отгрызать наши приграничные земли. Жителей многих деревень забирают прямо живьем — одних обращают в рабы, других бесхитростно третируют, а то и вовсе пускают на мясо.

Цю Фэй описывал жестокую реальность, но все сохраняли полное спокойствие, потому что уже видели подобное собственными глазами.

Люди не способны принести потомство от представителей племени мань, поэтому нередко на свет появляются такие полукровки. Но самое смешное, что эти полукровки наделены как человеческим интеллектом, так и мощным телосложением племени мань. Если бы речь шла о биологической эволюции и естественном отборе, это стало бы тенденцией будущего развития.

Однако ни один из двух народов не принимает существование подобных детей. Они считают это осквернением собственной крови, а потому выживает лишь ничтожно малая горстка полукровок.

— Какие они жалкие... — подняв голову, промолвила А Сы. Она смотрела на детей в клетке, и ее трясло с головы до ног.

Хань Шу притянул А Сы к себе в объятия и мягко успокоил:

— Не бойся.

Тело Ань Сюаня тоже напряглось до предела. Он разглядел существ в клетке в тот самый момент, когда сорвали ткань и зажглись софиты. Лицо юноши мгновенно заледенело, а изначально ярко-синие зрачки подернулись темной дымкой. Он сжал ладонь в кулак так, что перила террасы закрипели под пальцами. На мгновение даже жидкость в бокалах на столике позади них пошла легкой рябью.

Чэнь Синхэ скосил глаза на Ань Сюаня и невозмутимо придержал его за запястье.

— С какой стати они стали гвоздем программы этого аукциона? — Голос Чэнь Синхэ звучал холодно, отчего по спине пробежали мурашки.

Хань Шу скривил губы в насмешливой улыбке:

— Ради выгоды, а ради чего же еще? Полагаю, далеко не все полукровки такие милые, как наша А Сы. Угадай-ка, сколько забракованных полукровок пришлось отсеять, чтобы вырастить таких вот сироток?

И правда, среди племени мань мало кто соответствовал человеческим стандартам красоты, и это касалось их совместного с людьми потомства. Путем многоуровневого отбора на аукцион попадали единицы — возможно, из сотен или тысяч отбирали лишь эту парочку, чтобы выставить в качестве главного лота.

— Но разве это не противоречит человеческой морали? — Чэнь Синхэ посмотрел на Цю Фэя.

— И что с того? Намерен снова разнести здесь все, как три года назад?

Чэнь Синхэ с легким недоумением взглянул на Хань Шу, а тот издевательски усмехнулся:

— Только вот нынешнего хозяина этого места тебе лучше не злить — не по зубам.

— Двадцать миллионов!

Закончив насмеяться над Чэнь Синхэ, Хань Шу самодовольно мотнул головой, как вдруг в его хмельном зоре промелькнула искра ясности, а в этой ясности отчетливо проступила зловещая жестокость.

Воздух на мгновение замер. Организаторы аукциона назначили стартовую цену за этих двоих детей в десять миллионов, что уже само по себе было астрономической суммой, но сейчас ставка взлетела ровно вдвое.

Все взгляды устремились на VIP-ложу верхнего этажа. Хань Шу с презрительным видом глянул вниз, обвел взглядом внутренний зал, а затем задержался на остальных ложах.

— Я заявляю прямо здесь и сейчас: кто посмеет перебить ставку — тот пошел против меня, Хань Моу. После аукциона я обязательно навещу смельчака лично, чтобы обстоятельно потолковать об этом деле.

Говоря это, Хань Шу обнажил ровный ряд белых зубов, и на его лице не померкла лучезарная улыбка.

От природы у него было лицо завзятого сердцееда, а родинка у внешнего уголка глаза делала его похожим на благородного юношу в белых одеждах со страниц старинных романов. Однако от этих слов на белоснежные одежды словно брызнули кровавые пятна, смерхнув откровенной жаждой убийства.

Угроза. Самая прямая, не прикрытая ничем угроза.

В эту новогоднюю ночь огромный аукционный дом Тяньхэн погрузился в мертвую тишину. Даже главный аукционист Цзюцзю не смела вымолвить ни слова. Двадцать миллионов были не такой уж запредельной суммой — после нескольких раундов торгов цена вполне могла дойти до этого уровня, и хотя товар вряд ли стоил своих денег, главной его ценностью была редкость.

Вот только все дельцы и политические тяжеловесы Города Ло, собравшиеся здесь, оказались полностью парализованы угрозой какого-то двадцатилетнего паренька. И что самое комичное — хотя в зале то тут, то там перешептывались, никто не осмелился выйти вперед и возразить.

А всё потому, что этот дерзкий голос раздавался из ложи, где восседал единственный сын главнокомандующего войсками Летающего Волка генерала Чжу, один из учеников внутреннего круга Гоцзыцзяня — Хань Шу.

Рядом с ним стояла дочь нынешнего ректора Гоцзыцзяня, ученица внутреннего круга Гоцзыцзяня — Му Сюэ.

По другую сторону находился внук Первого старейшины Совета старейшин, ученик внутреннего круга Гоцзыцзяня — Цю Фэй.

Лу Сяосяо затолкнула Чэнь Синхэ и Ань Сюаня вглубь ложи, а сама вывела А Сы на авансцену. В этот момент, в глазах посторонних, все ученики внутреннего круга Гоцзыцзяня были в сборе.

Людей пугали не чьи-то знатные родители, а сам статус учеников внутреннего круга Гоцзыцзяня.

— Какая морока, прямо в первый день Нового года придется идти пить чай, — вздохнул Цю Фэй, а затем громко произнес: — Уважаемые, сегодня праздник, нам совсем не хочется неприятностей. Просто эти двое детей близки по духу нашему внутреннему кругу, так что просим всех проявить великодушие и уступить их нам.

В ответ по-прежнему стояла тишина. Цзюцзя сглотнула слюну и шлепнула молотком по подставке:

— Двадцать миллионов раз!

— Двадцать миллионов два!

— Двадцать миллионов три!

— Продано!

Му Сюэ задернула занавеси, скрывая происходящее от взглядов публики, и атмосфера в комнате от этого стала еще тяжелее.

Му Сюэ произнесла:

— Ваше Высочество, прошу прощения, мы заставили вас стать свидетелем этого фарса.

Ань Сюань слегка покачал головой — его выражение лица было скрыто под маской, и разобрать что-либо не представлялось возможным.

— Сяосяо, как только закончатся праздники, найди время выяснить истинную личность продавца.

Лу Сяосяо отозвалась, а Хань Шу едко усмехнулся:

— И что дальше, пойдешь и всех перебеешь? Сиди тихо и играй роль примерного зятя, наземные дела тебя волновать не должны.

— Хань Шу! — прикрикнул на него Цю Фэй.

— Да я ничего такого не имел в виду. Предоставьте это дело мне, я вырву эту черную криминальную цепочку с корнем, иначе перед кем мне оправдывать мои двадцать миллионов? — Хань Шу лениво потянулся, взял бокал с вином и слегка взболтал его. — Выпейте же, скоро полночь. Хватит ходить с кислыми минами, все вопросы решим после праздников, в конце концов, даже если придется пить чай в застенках, это будет только завтра.

Му Сюэ ухватила Хань Шу за волосы:

— Ты все еще собираешься пить? Намылился ползти домой на четвереньках?

— Руки убрай! Я женщин не бью! Что такого в том, чтобы потратить деньги на выпивку? Моя душа лежит.

— Ай-яй-яй, больно-больно, сумасшедшая баба, я с тобой сейчас сквитаюсь!

Остальные: «...» Ну вот, опять началось.

После этой небольшой стычки атмосфера немного разрядилась. За окнами грянул мелодичный колокольный звон аукционного дома, следом раздался треск петард, а в ночное небо взмыли яркие фейерверки, распутившись разноцветными бутонами.

Едва избавившись от Му Сюэ, Хань Шу тут же был перехвачен Чэнь Синхэ, который затащил его сообразить на двоих. Чэнь Синхэ под предлогом тоста за случившееся сыпал едкими колкостями, но и Хань Шу не собирался оставаться в долгу. Сверкая глазами и брызжа слюной, они принялись наперегонки заливать за воротник, осушив бокалы раз-другой.

Только совместными усилиями Лу Сяосяо и Му Сюэ буянов удалось ратащить по углам.

Чэнь Синхэ скривил губы:

— Ничтожество, да ты с какого перепугу... — после чего бесчувственным кулем рухнул в

объятия Лу Сяосяо.

Цю Фэй: «...»

Му Сюэ: «...»

Лу Сяосяо: «...»

Хань Шу: «!!!»

Хань Шу чуть не подпрыгнул на месте. Отпихнув Му Сюэ, он подскочил к Чэнь Синхэ и встряхнул его за воротник:

— Ах ты паршивец, а ну вставай, продолжим! Подума подумаешь, погулял полмесяца где-то, и уже возомнил о себе бог весть что...

В конце концов Чэнь Синхэ пришлось нести на себе Ань Сюаню. Изначально Лу Сяосяо собиралась дотащить его сама — девушка занималась боевыми искусствами, и сил ей хватало, но дорога оказалась слишком ухабистой. Чэнь Синхэ от тряски чуть не вывернуло наизнанку, и он, ухватив Лу Сяосяо за горло, завопил, что она пытается его убить.

Ань Сюань подступил ближе и легко подхватил Чэнь Синхэ на руки, обращаясь с ним с поистине привычной ловкостью.

Лу Сяосяо, прекрасно знавшая все тайные тропы, ведущие во внутренний двор, вместе с Чэнь Синхэ шмыгнула домой под покровом ночи так, что никто ничего и не заметил.

Ань Сюань бережно уложил Чэнь Синхэ на кровать, после чего Лу Сяосяо тут же вытолкала его из спальни.

Раскинув руки в проеме и загораживая проход, она заявила:

— Ваше Высочество, прошу прощения, но сегодня вам придется перекантоваться в моей комнате. Синхэ напился, я сама о нем позабочусь.

Ань Сюань нахмурился:

— Мужчина и женщина под одной крышей — нарушение приличий. Пожалуй, о нем позабочусь я.

Лу Сяосяо бровью не повела:

— С какой стати утруждать Ваше Высочество? К тому же мы с Синхэ вместе росли и спим под одним одеялом с детских лет, я видела его во всех видах.

На это Ань Сюань хладнокровно заметил:

— Но сейчас он — муж моей сестры, зять нашего Клана Русалок.

Лу Сяосяо на мгновение онемела, но отступить не собиралась.

Тогда Ань Сюань добавил:

— Ты ведь ему младшая сестра? Даже для сестры подобные вольности выглядят неуместно.

— Я — невеста Синхэ, воспитанная в его доме с пеленок! — гордо задрав подбородок, Лу Сяосяо попыталась отыграться.

Однако Ань Сюань остался совершенно невозмутим и лишь с показным сожалением покачал головой:

— Какая жалость, теперь он — зять Клана Русалок.

Лу Сяосяо: «...» Да этот принц русалок часом не того?!

Потерпев сокрушительное поражение, Лу Сяосяо с убитым видом поплелась в свою комнату, но у самого порога, словно одержимая, вдруг обернулась и выпалила:

— А они... они уже спали вместе?!

Ань Сюань опешил. Не успел он и рта открыть, как Лу Сяосяо с громким ревом захлопнула дверь и заперлась изнутри.

— А-а-а! Синхэ больше не чист!

.....

После бурного похмелья голова у Чэнь Синхэ раскалывалась так, будто ее пытались разорвать на части. В висках пульсировало, и каждый удар отдавался болью, словно в них вонзали раскаленные иглы. Он приподнялся, потер макушку и попытался восстановить ци, чтобы унять последствия вчерашнего возлияния.

В комнате было очень тепло, в воздухе витал легкий аромат благовоний. Осмотревшись, он узнал свою родную, уютную комнату. Казалось, всё случившееся было лишь сном — проснешься, и вернется привычная жизнь.

Однако вскоре Чэнь Синхэ обнаружил в ванной комнате сладко спящего Ань Сюаня.

Да-да, прямо в ванне.

Роскошные волосы Ань Сюаня, цветом напоминавшие глубокие морские воды, рассыпались по бортику. Его лицо казалось высеченным из камня — безупречное, лишенное малейших изъянов. Глаза были закрыты, а длинные ресницы отбрасывали тени на скулы. Ванна была доверху наполнена водой, в которой скрывался темно-синий рыбий хвост русала.

— Ты... как тебя угораздило уснуть здесь?

Чэнь Синхэ свесился над бортиком и ткнул Ань Сюаня пальцем в плечо.

— В комнате слишком душно, пересохло в горле, — Ань Сюань приоткрыл глаза и попытался выпрямиться, но ванная оказалась слишком тесной для его высокого роста. Подняв тучу брызг, он рухнул обратно и по инерции утянул за собой Чэнь Синхэ.

Кафель в ванной был скользким и влажным от испарений. Чэнь Синхэ не за что было ухватиться, он попытался подняться, но сорвался вновь, и в итоге Ань Сюань придавил его сверху, намертво застряв в узкой чаше ванны.

— Прости.

— Пустяки.

— Вы... что вы тут делаете?

Лу Сяосяо стояла в дверях ванной в пижаме с медвежатами и осоловело хлопала глазами, созерцая открывшуюся картину.

В ее глазах эта сцена выглядела так: Чэнь Синхэ сидит верхом на Ань Сюане, одежда насквозь промокла и плотно обтягивает подтянутый торс, подчеркивая рельеф живота; капли воды скатываются с кончиков волос, бегут по шее и медленно струятся по ключицам.

Ань Сюань же обнимает Чэнь Синхэ за талию обеими руками, пытаясь приподнять его, а рельефные мышцы на его теле проступают с отчетливостью скульптуры, источая скрытую мощь.

— Ой, я ослепла, — Лу Сяосяо молча развернулась, пытаюсь убедить себя, что она все еще спит, но, пробормотав пару ругательств, сорвалась на яростный вопль: — Вы что там вытворяете?!

Чэнь Синхэ взвыл:

— ...Лу Сяосяо, помоги встать, я сам не могу!

Лу Сяосяо упрямо отказалась:

— И не подумаю! Гадость, какая гадость... Развлекайтесь сами, только меня в это не впутывайте!

Чэнь Синхэ пригрозил:

— Смотри у меня, я сейчас же сожгу всю твою хламовницу на столе! Живо подай руку!

В первый день Нового года Чэнь Синхэ сам встал к плиты, и вскоре по квартире разнесся соблазнительный аромат приготовленных им блюд. Еда вышла на славу — и аппетитная, и красивая.

Ань Сюань полулежал на диване, подперев щеку рукой, и наблюдал за хлопотами Чэнь Синхэ.

— Как вкусно пахнет! — Лу Сяосяо вихрем влетела на кухню, но Чэнь Синхэ отфутболил ее пинком ноги:

— Брысь отсюда, почти все готово.

Лу Сяосяо обиженно надула губы, послушно уселась за обеденный стол и искоса бросила взгляд на Ань Сюаня.

— Вы что, сегодня уже уходите? — с недовольным ворчанием протянула она. — Выданная замуж девица — как отрезанный ломоть, не удержишь. Уйдете сейчас, и неизвестно, когда еще свидимся.

— Будет еще возможность, — Чэнь Синхэ взъерошил волосы Лу Сяосяо. — Ешь давай, тут все твое любимое. И это... хватит питаться всякой дрянью из доставок и перебиваться сухомяткой. Нашла бы время сама научиться готовить, посмотри на себя — щеки уже трещат.

— Учитель, хватит нудеть, пощади меня, — Лу Сяосяо надула щеки и принялась за еду с аппетитом.

При расставании Чэнь Синхэ вручили сшитую вручную куклу — один глаз большой, другой маленький, на редкость уродливую вещицу. Лу Сяосяо мастерски орудовала длинным хлыстом, но с иголкой управлялась из рук вон плохо и исколола все пальцы в кровь. Она собиралась подарить ее в день отъезда Чэнь Синхэ, но тот напился в стельку, и когда подарок наконец дождался своего часа, дарителя и след простыл.

Чэнь Синхэ помял куклу в руках: внутри явно было что-то зашито, но нащупать через плотную ткань не удавалось.

— Валите уже, валите, счастливого пути! — Лу Сяосяо вытолкала Чэнь Синхэ за порог и с грохотом захлопнула дверь, после чего обессиленно осела на пол, а из глаз ее брызнули слезы.

<http://bllate.org/book/21068/2141381>